

Столица «белой» России

Отправной точкой в жизни «белого» Омска принято считать 7 июня (все даты, начиная с 1 февраля 1918 г., даются по новому стилю) 1918 г., т. е. день, когда советская власть в результате мятежа чехословацкого корпуса и выступления антибольшевистских сил в городе пала. Чехословацкий корпус – это воинское соединение примерно из 80 тыс. военнопленных и эмигрантов, созданное осенью 1917 г. Сначала корпус размещался на Украине и использовался в боевых действиях против Австрии и Германии. В марте 1918 г. Совнарком разрешил эвакуацию корпуса через Сибирь и Дальний Восток с условием сдачи оружия, но, когда чехословаки были уже в пути, предложил изменить маршрут. Командование корпуса отказалось его менять и сдавать оружие. В мае один из эшелонов чехословаков приблизился к Омску. Несмотря на настойчивые требования представителей чехословацкого командования разрешить свободное продвижение эшелона через Омск, последовал отказ. 25 мая 1918 г. на станции Мариановка омские красногвардейцы не смогли остановить чехословацких легионеров. И 7 июня на заседании Военно-революционного штаба, руководимого В. М. Косаревым,

было принято решение о временном оставлении города. После поспешной эвакуации на север, вверх по Иртышу, на 23 пароходах военно-революционного штаба, некоторых советских учреждений и красногвардейских отрядов в 10 часов вечера командиром Степного корпуса полковником П. П. Ивановым и уполномоченным Временного правительства автономной Сибири А. А. Кузнецовым было составлено и подписано воззвание. Этим документом было восстановлено упраздненное при советской власти городское самоуправление. На следующий же день собралась Омская городская дума. Ее совет старейшин сообщил, что отступавшими большевиками было захвачено 270 млн руб. и казенных денег в городе осталось всего 34 млн.

Почему Советы не смогли удержать Омск? Обычно это объясняют превосходящими более чем в два раза силами противника, отсутствием необходимой помощи ввиду занятия чехами железнодорожной магистрали, а также поддержкой противобольшевистских настроений широкими слоями населения. К этим факторам следует добавить безработицу, рост цен на продукты первой необходимости, спекуляцию, постоянную задержку зарплат. Местные Советы проявили растерянность и нерешительность.

Чехи в дни мятежа. Эшелон чехословацкого корпуса на пути в Омск. Из коллекции А. М. Лосунова

В Сибири советская власть была слабо организованной – она была только в городах и в районах железнодорожных станций, деревня управлялась комитетами А. Ф. Керенского. К падению Советов сибирская деревня отнеслась в целом безразлично. В этих условиях советская власть в Омске не могла противостоять своим врагам.

В середине июня 1918 г. в Омск прибыли комиссары во главе с уполномоченным членом Всероссийского Учредительного собрания В. О. Сидоровым, который представлял интересы эсеровского Западно-Сибирского комиссариата Временного правительства автономной Сибири. 30 июня власть в Омске, равно как и на всей территории Сибири, перешла в руки новому Временному Сибирскому правительству, которое возглавил министр иностранных дел Временного правительства автономной Сибири эсер П. В. Вологодский. Официально же Омск был провозглашен столицей Сибири 23 июля. Временное Сибирское правительство объявило о денационализации промышленных предприятий, восстановлении дореволюционных судов и административных учреждений. Июльскими постановлениями 1918 г. запрещались сходки, собрания, митинги, забастовки и другие формы выступления против правительства, был упразднен Совет железнодорожных депутатов. Вводились военно-полевые суды и смертная казнь за политические преступления. Немедленно увольнялись без выплаты денежной компенсации все «активные сторонники большевизма», администрация получила право увольнять служащих за их работу в советских учреждениях. Помимо этого, правительство открыто высказалось против идей Сибирской областной думы об автономном устройстве Сибири в составе России. Все эти шаги шли вразрез с эсеровскими взглядами думы и привели к открытой конфронтации последней с Временным Сибирским правительством.

Сторонники жесткой линии в правительстве создали при нем 24 августа так называемый Административный совет, наделенный чрезвычайными полномочиями. Его возглавили члены Временного Сибирского правительства министр снабжения И. И. Серебренников и министр финансов И. А. Михайлов. Эсеры, члены Сибирской областной думы и Временного Сибирского правительства, возмущенные узурпацией власти Административным советом, решили арестовать его членов, однако И. А. Михайлов опередил их и первым нанес удар. В ночь на 21 сентября председатель Сибирской областной думы И. А. Якушев, министр внутренних дел Временного Сибирского правительства В. М. Крутовский, министр туземных дел этого правительства М. Б. Шатилов и министр внутренних дел Временного правительства автономной Сибири А. Е. Новоселов были арестованы казаками по распоряжению полковника В. И. Волкова и препровождены в частный дом на Лагерной улице. Но если Якушев, Крутовский и Шатилов «легко отделались», поскольку были выведе-

ны из правительства и высланы, то известному омскому литератору и краеведу А. Е. Новоселову повезло меньше всех. Ему не простили того, что, будучи комиссаром Временного правительства, он не оказал должного сопротивления и допустил захват Омска большевиками. В ночь с 22 на 23 сентября он при загадочных обстоятельствах был убит в Загородной роще. Одержав победу, Административный совет 21 сентября принял решение о роспуске Сибирской областной думы.

Пока шла борьба за обладание властью в Сибири, 8 сентября 1918 г. после нескольких неудачных попыток Комучу (Комитету членов Учредительного собрания, образованному в Самаре 8 июня 1918 г.) удалось созвать в Уфе конференцию оппозиционных сил, которая проходила с 21 сентября по 4 октября и была громко наименована Государственным совещанием. На него съехались около 200 представителей, делегированных различными антибольшевистскими правительствами, действовавшими на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока, т. е. тех территорий, которые к осени 1918 г. были освобождены от советской власти. Омск представляли члены Временного Сибирского правительства П. П. Иванов-Ринов, Г. Е. Катанаев, В. В. Сапожников, И. И. Серебренников и др. Основным вопросом в ходе этого совещания стал вопрос о власти.

Решено было избрать в качестве временной всероссийской власти Директорию из пяти человек. В ее состав вошли председатель Н. Д. Авксентьев – доктор философии, член Центрального комитета партии социал-революционеров; кадет Н. И. Астров; беспартийный, но тяготеющий к эсерам генерал-лейтенант В. Г. Болдырев – один из руководителей «Союза возрождения России»; председатель Совета министров Временного Сибирского правительства юрист П. В. Вологодский, относительно своей партийной принадлежности заявлявший, что сейчас не считает себя «всецело» соратником партии эсеров, и член Центрального комитета Трудовой народно-социалистической партии Н. В. Чайковский, окончивший физико-математический факультет Петербургского университета, бывший, по словам Марка Алданова, «последовательно анархистом, социал-революционером, народным социалистом», после Октября один из организаторов и руководителей «Союза освобождения России», участник августовского антисоветского переворота в Архангельске. В виду того что Астров и Чайковский находились вне территории Поволжья и Сибири, их места заняли заместители – адвокат из Сибири В. А. Виноградов – депутат III и IV Государственных дум, член Центрального комитета кадетской партии философ В. М. Зензинов – видный функционер партии социал-революционеров, член ее Центрального комитета. Окончательно вопрос о месте пребывания Директории решился только 30 октября, за три дня

до взятия столицы Комуча Красной армией: временной резиденцией избирается Омск, но в будущем планируется перенос резиденции в Европейскую Россию.

В Омск поезд с членами Директории и ее председателем Авксентьевым прибыл 9 октября. Несмотря на пышную церемонию встречи, Временное Сибирское правительство отнеслось к своим преемникам враждебно. В течение двух-трех недель они вынуждены были ютиться в вагонах на железнодорожной ветке, из-за чего и получили нелестное прозвище «воробьиного правительства». Наконец, их поселили в гостинице «Европа» (на Дворцовой улице). В народных массах к Директории относились совершенно безразлично, слои интеллигентные неодобрительно, а армия на фронте буквально начинала ее ненавидеть.

К приезду Директории город, по мнению историка-краеведа А. П. Раковой, можно было назвать большим укрепленным военным лагерем. Ведь здесь после ликвидации советской власти остался штаб Омского военного округа, большинство офицеров и генералов которого стали служить новому Временному Сибирскому правительству. В распоряжении штаба оказался внушительный арсенал оружия, не вывезенного большевиками: около 10 млн патронов, до 1 млн гранат, два артиллерийских склада с орудиями и большим количеством снарядов, несколько самолетов и автомобилей. Все лето и осень 1918 г. из-за Урала в Омск прибывали остатки тыловых воинских частей старой армии, которые составили столичный гарнизон, а также бежавшие из Советской России офицеры. Одновременно шло формирование регулярных частей. К приезду Директории в Омск их численность составляла около 60 тыс. штыков.

Омск стал главным центром формирования военных сил, а военные играли немаловажную роль в общественной и политической жизни города. Многие из них остались приверженцами монархии, другие считали, что если не монархия, то единоличная власть военного диктатора может спасти страну от хаоса и гибели. Большинство из прибывших воинских чинов заняли в Омске высшие командные посты. Так, с декабря 1918 г. командующим войсками Омского военного округа стал генерал-майор А. Ф. Матковский. После чехословацкого переворота в Омске появился полковник Г. А. Белов, который возглавлял штаб формирующейся Сибирской армии (с июня по ноябрь 1918 г.). И хотя штаб был невелик (около 20 младших офицеров), но, благодаря своему начальнику, именно он составил влиятельную группу среди военных города. Иными словами, штаб превратился в тайную монархическую организацию. Другая группа монархически настроенного офицерства свила гнездо в ставке главкома вооруженными силами Директории генерала В. Г. Болдырева. Начальником штаба здесь был генерал-майор С. Н. Розанов.

В Омске находился и штаб Сибирского казачьего войска. Его атаман П. П. Иванов-Ринов играл видную роль в политических и военных кругах, занимая одновременно три высших военных поста. Временное Сибирское правительство, назначив его 5 сентября 1918 г. военным министром, оставило за ним право совмещать эту должность с атаманством и должностью командира Сибирского Степного стрелкового корпуса. Его имя связывали с деятельностью тайной «Организации тринадцати», состоявшей преимущественно из казачьих офицеров и продолжавшей действовать и в период правления Директории. Многие офицеры Сибирского и Семиреченского казачьих войск прочили на пост военного диктатора Сибири именно Иванова-Ринова.

«Непосредственно городскими делами занимались городская управа и городская дума. Управа начала работать уже в июне 1918 г. Были, в частности, проведены выборы нового состава думы, которая в ноябре приступила к своим обязанностям. Городским головой был избран Н. И. Лепко, его заместителем – В. В. Пшеничников. В распоряжении исполнительного органа городского самоуправления оказался весьма внушительный аппарат, структура которого в основном сложилась еще до разгона думы. В структуру входили секретариат, распорядительный отдел, бухгалтерия, арендный отдел, межевой отдел, хозяйственный отдел, воинский отдел, врачебно-санитарный отдел, отдел призрения, отдел народного образования, отдел охраны труда, юридический отдел, адресный стол, налоговый отдел, статистический отдел, продовольственный отдел, отдел предприятий, технико-строительный отдел и городской ломбард. <...> Одной из самых больших проблем, стоявших перед городским самоуправлением, являлось снабжение населения продовольствием и топливом. Дума и управа добивались от правительства выдачи городу крупной ссуды или займа на приобретение зерна и муки, а также предоставление права внеочередной перевозки по железным дорогам ежемесячно 150 тыс. пудов хлеба и в течение года – 200 тыс. пудов каменного угля. <...> Городская власть пыталась бороться с взвинчиванием цен спекулянтами. <...>

Городской думе и управе приходилось думать об обеспечении населения не только продовольствием, товарами первой необходимости, но и лекарствами. <...> Проблемы особенно обострились осенью 1918 г. в связи с начавшейся эпидемией сыпного, возвратного и брюшного тифа» (Из XVIII века – в век XXI: история Омска / Н. А. Миленко, В. Г. Рыженко. СПб., 2008. С. 262, 265).

Директория очень неуютно чувствовала себя в городе, который был буквально нашпигован военными. Не спешило передать власть Директории и Временное Сибирское правительство. Кстати, до создания своего Совета министров Уфимская Директория постановлением от 13 октября 1918 г. поручила «временное заведывание неотложными

делами» соответствующим министерствам Временного Сибирского правительства. На протяжении целого месяца в городе существовало своеобразное двоевластие и негласное противостояние.

Тем временем политическая атмосфера в Омске сгустилась. Как магнитом тянуло сюда офицеров штабов Сибирской армии и отрядов. Наглядным свидетельством их возможностей и своеобразным предупреждением Директории стало зверское убийство 24 октября эсера Б. Н. Моисеенко, прибывшего в Омск с отрядом Е. Ф. Роговского.

Только 3 ноября появилась декларация Временного Сибирского правительства о передаче верховной власти на территории Сибири Уфимской Директории, а на следующий день указом Уфимской Директории был создан Совет министров, или Временное Всероссийское правительство. С этого момента Омск и становится столицей «белой» России. В состав нового кабинета вошли многие министры из Временного Сибирского правительства. Председателем Совета министров был назначен все тот же П. В. Вологодский, его заместителем – В. А. Виноградов, министром финансов – И. А. Михайлов, иностранные дела курировал Ю. В. Ключников, Министерство внутренних дел возглавил А. Н. Гаттенбергер, за снабжение отвечал И. И. Серебренников, министром юстиции стал С. С. Старынкевич, вопросы труда находились в ведении Л. И. Шумиловского, пост министра земледелия получил Н. И. Петров, а ключевой пост военного и морского министра после долгих уговоров и просьб П. В. Вологодского, а также члена Директории и Верховного главнокомандующего В. Г. Болдырева занял А. В. Колчак, оказавшийся в Омске проездом, – он направлялся на юг России в Добровольческую армию.

С именем адмирала Колчака связан целый период омской истории. Времена однозначно негативной оценки его деятельности канули в прошлое. Сегодняшние историки пытаются разобраться в противоречивой и даже в какой-то степени загадочной фигуре Колчака и в его эпохе.

Кто-то из общественных деятелей попросил А. В. Колчака сделать публичный доклад о положении дел на Дальнем Востоке. Выступление адмирала в здании второй мужской гимназии собрало очень много народа. Были на нем и представители правительственных кругов.

До провозглашения его Верховным правителем (т. е. до 18 ноября) Александр Васильевич проживал в вагоне (напротив нынешнего университета путей сообщения). Из-за дефицита помещений в городе «на колесах» в то время жили многие. Затем, войдя во Временное Всероссийское правительство, адмирал селится в каменном двухэтажном доме купца С. С. Волкова (ныне его занимает военкомат Центрального административного округа).

После того как Колчак принял бремя власти Верховного правителя, его новой квартирой сначала стало здание

штаба, а затем особняк четы Батюшкиных (на здании, где сейчас размещается городской загс, 4 ноября 2004 г. установлена мемориальная доска с информацией о проживании здесь адмирала А. В. Колчака). Обосновавшись в этом уютном и красивом доме, несмотря на огромную загруженность делами и встречами, Александр Васильевич выкраивал время и для отдыха – довольно редкие поездки верхом за город да стрельба из ружей. Находил адмирал и время для чтения. Он любил читать российский журнал «Исторический вестник».

Именно здесь, в особняке на берегу Иртыша, А. В. Колчак принимал глав иностранных миссий и, сидя за рабочим столом, подписывал документы. Будучи весьма пунктуальным человеком, он именно здесь избежал тщательно спланированного его врагами покушения, опоздав по воле судьбы на каких-то полчаса. Здесь, в стенах этого особняка, разделяла с ним минуты отдыха его возлюбленная А. В. Тимирева. Ставка же Колчака находилась в генерал-губернаторском дворце.

С первого дня после захвата власти местные белогвардейцы при поддержке белочехов начали массовые аресты и обыски. В концлагерь, расположенный на территории Западно-Сибирской выставки (до прихода белых в бывших павильонах выставки содержались военнопленные), были посажены сотни красногвардейцев, участвовавших в обороне Омска, не успевшие эвакуироваться большевики и члены их семей. Вскоре в Омск стали поступать в «эшелонах смерти» арестованные из европейской части России.

«Концентрационный лагерь, – вспоминает писатель Ф. А. Березовский, – был обнесен высоким забором, а сверху еще колючей проволокой. Кроме того, внутри бараков тоже были сделаны перегородки из колючей проволоки. Повсюду была страшная грязь, воздух напоит невыносимым зловонием. Жажда свежего воздуха была настолько сильна, что у форточек выстраивались очереди заключенных». ...вокруг лагеря стояли сторожевые вышки с пулеметами. По ночам лагерь освещался сильными прожекторами; на территорию его выпускались дрессированные собаки. Охрана в лагере помещалась в одном из бараков. День и ночь у дверей каждого барака стояли часовые из белоказачьих отрядов атаманов Красильникова и Анненкова. <...> По ночам из лагеря в фургонах или в открытых повозках навалом вывозились трупы людей, погибших от недоедания и болезней.

На первой городской партийной подпольной конференции, проходившей в августе 1918 г., была создана организация подпольного партийного Красного Креста. <...> Через охрану лагеря работникам подпольного Красного Креста удалось наладить связь с лагерным подпольем. ...было организовано собственное «пропускное бюро»» (Палашенков А. Д. Памятники и памятные места Омска и Омской области. Омск, 1967. С. 110–111).

А. В. Колчак в рабочем кабинете. Омск. 1919*

А. В. Тимирева (1893–1975). 1917*.
В 1918–1919 гг. переводчица отдела печати
при Управлении делами Совета министров
и Верховного правителя

Особняк купца К. А. Батюшкина на Береговой улице (сейчас – Иртышская набережная, 9). Из коллекции А. П. Сорокина.
С декабря 1918-го по ноябрь 1919 г. – резиденция Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака

С помощью Красного Креста «удалось освободить из концлагеря более сотни политзаключенных. <...> Большой приток новых, опытных работников еще более активизировал подпольную деятельность... была подготовлена и проведена вторая Омская общегородская нелегальная партийная конференция (первая общегородская партийная конференция, положившая начало деятельности Омского подпольного комитета РКП (б), проходила в августе 1918 г. в Загородной роще. – *Ред.*) <...> Ужесточение порядков на предприятиях, особенно на железной дороге, необоснованные увольнения и низкая зарплата привели... к забастовке омских железнодорожников. <...> Расправа отряда карателей атамана И. Красильникова над омскими железнодорожниками произошла спустя неделю после приезда в Омск Директории (19 октября 1918 г.). Однако новое правительство не приняло никаких мер, чтобы защитить безоружных рабочих и наказать виновных в этой трагедии» (Очерки истории города Омска. Омск, 2005. Т. 2 : Омск. XX век. С. 78–80).

Следует отметить, что с созданием Директории белое движение на востоке России консолидировалось, хотя сепаратизм различных организаций не был устранен и в дальнейшем пагубно сказался на положении дел в лагере антибольшевистских сил Западной Сибири. Директория по составу и политической направленности была кадетско-эсеровской. Однако реальной властью обладал Совет министров, который стремился выйти из-под ее контроля и встать над ней.

Последний виток противостояния кадетов, выступавших в отличие от своих политических противников за установление жесткой власти, и эсеров закончился поражением последних. В ночь на 18 ноября 1918 г. были арестованы эсеры, члены Директории Н. Д. Авксентьев, В. М. Зензинов, А. А. Аргунов (заместитель Авксентьева, эсер) и заведующий делами милиции Совета министров Е. Ф. Роговский. Организаторами государственного переворота были кадеты – министр финансов Временного Всероссийского правительства И. А. Михайлов (Ванька Каин – его прозвище в среде эсеров), главный квартирмейстер Сибирской армии полковник А. Д. Сыромятников и председатель президиума Восточного отделения партии кадетов В. Н. Пепеляев. Некоторые исследователи считают, что к организации переворота был причастен и один из лидеров кадетской партии на востоке России адвокат В. А. Жардецкий. Большую поддержку заговорщикам оказали представители стран Антанты, прибывшие перед этим в Омск. Среди них были французский генерал М. Жанен, американские генерал У. Гревс и адмирал О. Найт, английские генерал А. Нокс и полковник Д. Уорд. Исполнителями переворота были офицеры Сибирского казачьего войска полковник В. И. Волков, войсковые старшины А. В. Катанаев и И. Н. Красильни-

ков. В ночь с 17 на 18 ноября они вывели вверенные им части на улицы. Арестованных и их адъютантов увезли за город – на Лысую гору, где дислоцировался отряд атамана И. Красильникова.

Экстренно собравшийся утром 18 ноября Совет министров Временного Всероссийского правительства передал всю полноту власти адмиралу А. В. Колчаку, который накануне вернулся с фронта. В ходе заседания идея о передаче власти новой Директории и Совету министров была отвергнута. Нашло поддержку предложение о сосредоточении всей полноты власти в одних руках. Из предложенных кандидатур А. В. Колчака, генералов В. Г. Болдырева и Д. Л. Хорвата подавляющее большинство голосов было отдано первому, который и стал Верховным правителем и Верховным главнокомандующим России.

Всероссийское правительство было распущено, а вместо него создано Российское правительство. Его костяк составили лояльные к А. В. Колчаку члены прежнего правительства во главе с П. В. Вологодским. Постепенно Совет министров оказался на вторых ролях, а на первый план выдвинулся Совет Верховного правителя – П. В. Вологодский, А. Н. Гаттенбергер, И. А. Михайлов, Ю. В. Ключников и Г. Г. Тельберг. Этот орган и решал все важнейшие государственные дела. Вплоть до эвакуации в Иркутск (т. е. 10 ноября 1919 г.) Российское правительство находилось в Омске, подтверждая своим присутствием высокий статус города как столицы России.

Но вернемся к государственному перевороту. Уже 19 ноября непосредственные исполнители этого деяния – В. И. Волков, И. Н. Красильников и А. В. Катанаев – явились к Верховному правителю с повинной, сообщив адмиралу, что они прервали преступную, по их мнению, деятельность эсеровских членов Директории, арестовав их. Теперь, выполнив свой долг, «переворотчики» отдавали себя в руки закона. Их взяли под охрану, а члены уже несуществующей Директории были освобождены.

Постановлением Совета министров от 19 ноября «переворотчики» были преданы чрезвычайному военному суду, который и состоялся 21 ноября. Суд не только оправдал «переворотную команду», но и указал министру юстиции на ряд подрывных действий эсеров. Публика с восторгом встретила оправдательный приговор. Волков, Красильников и Катанаев на руках под громогласные крики «ура» были вынесены из здания окружного суда. Спустя несколько дней вся троица получила повышения в чинах. Что же касается бывших узников Авксентьева, Аргунова, Зензинова и Роговского, то Колчак категорически воспротивился суду над ними. Бывшие члены Директории экстренным поездом с английской охраной, имея на руках большую сумму денег, благополучно отбыли за границу.

Совершенно очевидно, что А. В. Колчак оказался наиболее предпочтительным кандидатом в Верховные правители

России, так как был угоден правым военным и руководству партии кадетов, почти всем областным политическим деятелям и местным военачальникам, а также большинству офицеров, политиков и промышленников «омского блока». Он разделял с ними твердую решимость сохранить русское государство и его территориальные владения, продолжать войну с Германией и навсегда порвать с эсерами. По всем меркам он являлся идеальным кандидатом от партии кадетов для проведения их внутренних реформ и продолжения войны против большевиков.

С установлением единоличной власти Верховного правителя политическая борьба не прекратилась, а лишь приняла несколько иную форму. Наглядным примером может служить так называемый «Читинский конфликт», вспыхнувший из-за непризнания верховной власти А. В. Колчака атаманом Забайкальского казачьего войска Г. М. Семеновым. За тем и за другим стояли противоборствовавшие иностранные державы, при их же участии конфликт был разрешен примирением враждующих сторон.

Вполне естественно, что облечение А. В. Колчака верховной властью имело широкий резонанс в политических и общественных кругах. Общественно-политические настроения колебались от восторженной поддержки до равнодушия и полного неодобрения.

Несомненную поддержку оказала Русская православная церковь. Архиепископ Омский и Павлодарский Сильвестр (в миру – И. Л. Ольшевский), будущий священномученик, привел к присяге А. В. Колчака и членов его правительства при открытии Временных присутствий и Правительствующего Сената. Уже будучи провозглашенным Верховным правителем России, в январе 1919 г. Колчак получил от патриарха Тихона в качестве благословения икону святителя и чудотворца Николая Можайского, доставленную священнослужителем Анисимовым, вошедшим впоследствии в историю Русской православной церкви под именем митрополита Нестора. Через линию фронта в Омск этот монах пробирался в одежде бедного крестьянина с мешком на спине. Кроме крошечного obrazка, он передал адмиралу и благословенное письмо от патриарха на борьбу с большевиками.

Поддержан режим Колчака был и иностранными государствами. Столица «белой» России стала местом пребывания иностранных воинских частей (английские стрелковые батальоны, французский колониальный батальон).

В Омске, как и по всей Сибири, создавались отряды из бывших военнопленных Первой мировой войны – сербов, поляков, румын, итальянцев и т. п. В феврале 1919 г. в Омск прибыла польская военная миссия во главе с Ярославом Окуличем, которая состояла при штабе генерала Жанена. Еще при Временном Сибирском правительстве под командованием капитана Дюрдилова был создан отряд сербских добровольцев в 400 штыков, который

нес службу в Омске. Сербь охраняли государственные учреждения и представительства, а в августе 1918 г. были посланы в Тюкалинский уезд на усмирение крестьян, восставших против мобилизации в «белую» армию. Сербская рота предупредила катастрофу во время взрыва снарядов на станции городской железнодорожной ветки и спасла два вагона с оружием и военным имуществом. В октябре 1918 г. сербский отряд участвовал в подавлении забастовки омских железнодорожников.

Однако хозяевами положения среди славянских формирований в Сибири, бесспорно, были чехи. На Атаманской улице размещался чешский военный госпиталь, а на станции Омск был поставлен чешский комендант, в чьем распоряжении находился весь подвижной состав дороги. На улицах города часто можно было видеть чешских солдат, щеголявших в шинелях добротного сукна и новеньких сапогах русского пошива. Сытые, откормленные, торчавшие без дела в тылу, чехи вызывали глухое недовольство простых людей. Однако в верхних эшелонах власти их чтили как победителей и не раз чествовали пышно и торжественно.

Особую атмосферу в новоявленной столице создавал, конечно, дипломатический корпус. Многие страны мира были представлены здесь высокими комиссарами, консулами, миссиями, представительствами. Их присутствие в Омске придавало особый колорит городу, торжественным приемам, смотрам, парадам и балам. По улицам разъезжало множество автомобилей с иностранными флажками, вызывая любопытство обывателей. На Непроезжей улице обосновалось шведское консульство, а на 2-м Взвозе – датское. Атаманская улица приютила у себя чехословаков. На Любинском проспекте расположилась японская военная миссия, штаб которой состоял из 26 офицеров во главе с генералом Муто.

10 ноября 1918 г. в Омск прибыл Высокий комиссар Франции Эжен Луи Жорж Реньо. Резиденция Высокого эmissара Великобритании сэра Эллиота находилась на ул. 2-й Взвоз. 13 ноября американское консульство в Омске обратилось в Министерство иностранных дел с просьбой предоставить комнаты для довольно продолжительного пребывания в городе генеральному консулу США Джорджу Гаррису. «Осчастливила» своим присутствием город и китайская военная миссия, прибывшая с генерал-лейтенантом Чжен Син Линь в начале сентября 1919 г.

Яркую страницу в историю «белого» Омска вписало Чрезвычайное государственное экономическое совещание. Торжественное открытие его состоялось 23 ноября 1918 г., т. е. на пятый день после прихода к власти А. В. Колчака. Оно было призвано «содействовать правительству в трудах по восстановлению и развитию хозяйственно-экономической жизни государства».

На заседаниях, проходивших в Доме судебных установлений, обсуждались законопроекты и делались предложения

А. В. Колчак и А. В. Тимирева с представителями дипломатического корпуса в Загородной роще (сейчас омичи знают это место как Старозагородную рощу). 1919. Из фондов ЦВММ

ния правительству по экономическим вопросам. В работе Чрезвычайного совещания участвовало более 70 членов – министры, финансисты, а также представители советов торгово-промышленных и кооперативных съездов, обособившихся в Омске.

Верховный правитель потребовал от совещания дать «директивы, которыми он мог бы руководствоваться для направления работ различных ведомств по определенному пути». Но из обширной программы (восемь направлений) более или менее эффективно принимались лишь экстренные меры, касавшиеся снабжения армии обмундированием и продовольствием. Широкие задачи, связанные с восстановлением капиталистической экономики, остались до осени 1919 г. в основном на стадии выработки программ.

«Установившийся режим военной диктатуры привел к резкому ухудшению положения рабочих. Были разогнаны остатки профсоюзов, в деревнях стали бесчинствовать каратели. II Сибирская партийная конференция, состоявшаяся 23 ноября 1918 г. в Томске, поставила задачи дальнейшей работы в новых условиях. Был взят курс на подготовку восстания против диктатуры, восстановление власти Советов и воссоединение с Советской Россией. <...> Конференция сформировала новый состав областного комитета. Местом его постоянного пребывания избрали Омск – столицу Колчака и центр контрреволюции. Омскими представителями на конференции были А. А. Масленников и А. Я. Нейбут. Под их руководством

и началась подготовка в Омске к вооруженному восстанию» (Очерки истории города Омска. Т. 2. С. 76, 80–81).

В Омске в 1960-е гг. еще сохранялись дома, в которых помещались конспиративные (улицы Волошинская, 88 (4-я Линия), Калинина, 4, Успенского, 19, Омская, 2 и Скорбященская (ныне Гусарова), 59) и явочные (улицы Розы Люксембург, 77 и Думская, 65) квартиры, подпольные типографии (ул. 5-я Восточная, 39 и на Семипалатинском тракте). В небольшом деревянном домике под № 9 в Ново-Пушкарном переулке (2-й Степной) располагался областной подпольный комитет РКП (б), переведенный в Омск из Томска. Здесь намечались планы проведения восстаний 22 декабря 1918 г. и 1 февраля 1919 г. (по материалам книги А. Д. Палашенкова «Памятники и памятные места Омска и Омской области...». С. 115–122).

События, связанные с восстанием 22 декабря 1918 г., очень негативно отразились на авторитете правительства А. В. Колчака. «Декабрьская драма» – так метко назвал неудавшееся декабрьское восстание в Омске историк русского зарубежья С. П. Мельгунов. Жестокое подавление большевистского восстания и расстрел членов Учредительного собрания – вот события тех далеких дней, которые наложились друг на друга. Советские историки подробно освещали само восстание, не касаясь сопутствовавших ему обстоятельств. Было устоявшейся аксиомой, что А. В. Колчак лично отдавал распоряжения о подавлении восстания и применении репрессий. Ведь не случайно следователи Политического центра еще тогда, в 1920 г.,

пытались доказать причастность адмирала к декабрьской драме. Однако в декабре 1918 г. А. В. Колчак сильно болел пневмонией и в основном соблюдал постельный режим, принимая только экстренные доклады. О происшедшем в Омске восстании его информировали лишь в общих чертах, а факты массовых репрессий преподносились его ближайшим окружением как вынужденная мера. О грядущей расправе над членами Учредительного собрания ему не доложили вовсе. Как только А. В. Колчак узнал об этом преступлении, он в приступе гнева не находил себе места и требовал, как утверждают очевидцы, найти и наказать виновных. Так что же произошло в те дни?

Подготовкой восстания руководил военно-революционный штаб во главе с большевиком-подпольщиком П. А. Вавиловым. При штабе были созданы информационно-разведывательный, организационно-промышленный, мобилизационно-оперативный отделы, подрывной отряд и Красный Крест. Организаторы восстания разбили город на четыре района, в каждом из которых действовал свой штаб. В случае успеха восстания предполагалось в кратчайший срок захватить весь подвижной состав, мобилизовать и вооружить рабочих и крестьян, сочувствовавших советской власти, создать армию и двинуть ее на Новониколаевск (Новосибирск). Первоначально планировалось начать выступление 19 декабря, но из-за нехватки оружия оно было отложено на три дня.

О подготовке восстания была осведомлена контрразведка штаба Верховного правителя, которая заблаговременно предприняла меры к его ликвидации. Накануне восстания была захвачена одна из явочных квартир со складом оружия и арестована группа рабочих-большевиков. Военно-революционный штаб, не зная точного масштаба провала, отменил выступление. Но из-за плохой связи четвертый район (с центром в Куломзино) оповещен не был, а первый и третий районы узнали об отмене с большим опозданием. В результате этого выступление началось частично и разрозненно. Наибольший размах восстание приобрело в пригороде Омска Куломзино, где повстанцы захватили станцию, разоружили отряд чехословаков численностью до 500 чел. и сняли караул с железнодорожного моста. В первом районе (правобережье Оми) была разоружена казачья сотня и захвачена тюрьма, из которой выпустили 200 заключенных, в том числе и членов Всероссийского Учредительного собрания. В третьем районе (Атаманский хутор, Порт-Артур, железнодорожный вокзал) восставшие разоружили 400 чехов и захватили один из заводов, но, получив сведения об отмене восстания, прекратили боевые действия. В ту же ночь антиколчаковское выступление было подавлено властями.

Утром 22 декабря в Омске был обнаружен приказ № 81, второй параграф которого гласил: «Всех, принимавших участие в беспорядках или причастных к ним,

передать военно-полевому суду». Суд обещал быть коротким. На рассмотрение всех дел отводилось три дня. Во исполнение полученного свыше приказа начальник Омского гарнизона генерал В. В. Бржезовский и начальник его штаба полковник Н. Г. Сабельников опубликовали распоряжение, предписывавшее всем освобожденным «добровольно явиться к караульному начальнику областной тюрьмы, коменданту города или в участок милиции». За невыполнение данного распоряжения грозил расстрел. Как далее следует из рапорта прокурора Омской судебной палаты, почти вся «группа Учредительного собрания» к утру 23 декабря добровольно вернулась в тюрьму, в отличие от большевиков, которых и след простыл. Лишь часть «учредилковцев» была доставлена туда властями.

Вскоре в тюрьму явился поручик Ф. Барташевский из отряда атамана И. Красильникова в сопровождении шести солдат. Он приказал тюремному чиновнику выдать ему под расписку шестерых арестованных, которых повел в гарнизонное офицерское собрание, где обычно проходили балы и благотворительные вечера, а теперь заседал военно-полевой суд. Красноармеец Руденко будто бы при попытке к бегству был убит по дороге, а остальных пятерых Барташевский все же довел до суда.

Через некоторое время ему сообщили, что все (кроме Винтера, который был провокатором) осуждены (Маевский приговорен к каторге, остальные – к расстрелу), и приказали ехать в тюрьму за «новой партией». Однако, пока поручик «возился» с первой партией и находился в гарнизонном собрании, в тюрьме успел уже побывать начальник унтер-офицерской школы капитан П. Рубцов. По данным им показаниям, вечером 22-го он был вызван к командующему войсками Омского военного округа генералу А. Ф. Матковскому, где шло совещание «высших начальников», докладывавших о событиях предыдущей ночи. После окончания совещания ему приказали идти с солдатами в тюрьму, куда должны привести более 40 «членов совдепа». Поименный список тех, кого Рубцов должен был присоединить к «44-м обреченным», был вручен капитану уже в тюрьме поручиком Фриде. Когда стали выяснять наличие пяти указанных во «фридевском» списке лиц, то оказалось, что в тюрьме имеются только двое – меньшевик Кириенко и эсер Девятов. Делать было нечего – взяли этих двоих. Их предписывалось вместе со всей партией довести до здания военно-полевого суда. Как раз в это время конвойные пригнали к тюрьме уже приговоренных к расстрелу 44 большевика. Кириенко и Девятова присоединили к этой группе, и по приказу Рубцова помощник его Ядрышников повел всех в Загородную рощу.

Через какое-то время Ядрышников вернулся назад и доложил, что по дороге Девятов и Кириенко пытались распропагандировать солдат и «оскорбляли Верховного правителя», почему их и пришлось ликвидировать по пути,

не доходя до места казни. Все остальные были расстреляны на «законном основании». Тем временем в тюрьму снова заявился поручик Барташевский и потребовал выдачи ему трех арестованных, а именно Кириенко, Девятова и Попова. Но вышла неувязка: первых двух, как оказалось, уже выдали Рубцову, и Ядрышников увел их на смерть, а Попов находился в тифозном бараке. Тогда Барташевский лично отобрал членов Учредительного собрания – четырех эсеров и четырех меньшевиков, выдал расписку в «получении» и приказал вести их в то же самое гарнизонное собрание на «суд». Но туда они добрались уже «по закрытии последнего». Тогда Барташевский, недолго думая, вывел на улицу эту восьмерку вместе с теми, кого он доставил в суд ранее и кого уже осудили. Затем всех сбили в одну кучу, окружили конвойными и погнали на берег Иртыша, где Барташевский разом привел приговор в исполнение.

Убийство «учредилловских социалистов» вызвало взрыв возмущения у политической общественности. Если массовая казнь «членов совдепа», т. е. большевиков и сторонников советской власти, признавалась хотя и нежелательным, но все-таки неизбежным явлением, то расправа над «избранниками народа» – «учредилловцами» – воспринималась как событие из ряда вон выходящее. Эта казнь имела широкий резонанс как в России, так и за рубежом. Бывший член Директории Н. Д. Авксентьев пытался использовать, и небезуспешно, данные события, активно критикуя режим А. В. Колчака. Из-за границы стали поступать на имя Верховного правителя телеграммы с вопросами: что произошло? а правда ли? Это был сильнейший удар по политическому имиджу правительства А. В. Колчака и ему лично. Не случайно на допросе в Иркутске бывший Верховный правитель России говорил: «...этот акт был направлен персонально против меня с целью дискредитировать мою власть в глазах иностранцев... и расстрел [учредилловцев] мне представлялся совершенно бессмысленным и не имеющим связи с восстанием...» Трагедия еще заключалась и в том, что погибли люди, которых адмирал хотел освободить из тюрьмы, не считая их виной то, что в силу своих политических убеждений они не признали его приход к власти.

На протяжении всего советского периода о декабрьском восстании в Омске писали исключительно по воспоминаниям его участников и очевидцев с «красной» стороны. Как комментировала и оценивала это выступление победившая сторона? Что тогда творилось в стане белых? Вот что, например, о декабрьском восстании пишет в своих «Записках» министр иностранных дел колчаковского правительства И. И. Сукин: «Восстание было быстро ликвидировано, причем со стороны англичан, в частности полковника Уорда, было проявлено редкое сочувствие правительству адмирала Колчака. Он, не колеблясь и не за-

прашивая никаких инструкций, выставил свой полк для охраны штаба Верховного главнокомандующего. Хотя этот полк и не принимал участие в бою и не выпустил ни одного выстрела, все же моральный эффект этого жеста англичан был весьма внушителен».

Дневниковые записи П. В. Вологодского дают следующие данные о жертвах декабрьского восстания: «По официальным данным, при подавлении восстания... по приговору военно-полевого суда расстреляно 49 чел., приговорено к каторжным работам и тюрьме 13 чел., оправдано 3 и убито при подавлении восстания – 133 чел. В поселке Куломзино жертв оказалось гораздо больше, а именно по приговору суда расстреляно 117 чел., оправдано – 24, убито при подавлении мятежа – 144...»

В марте 1920 г., уже после разгрома колчаковщины, образовавшийся в Иркутске ревком изучил делопроизводство Чрезвычайной следственной комиссии сенатора А. К. Висковатова о расстрелах 22–23 декабря и, доследовав его, пришел к выводу, что колчаковская комиссия была занята «не столько выяснением истины, сколько... укрывательством и попустительством».

Одним из важных вопросов для Всероссийского правительства адмирала А. В. Колчака было его международное признание. На Парижской мирной конференции 7 мая 1919 г. глава британского кабинета Д. Ллойд-Джордж выразил надежду, что скоро правительство Колчака переберется в Москву. Считая своевременным признание новой всероссийской власти, английский премьер тем не менее, заручившись поддержкой американского президента В. Вильсона, требовал в отправленной из Парижа телеграфной ноте за подписью глав пяти союзных держав проведения в стране демократических реформ (созыв после взятия Москвы Учредительного собрания, обеспечения в Сибири гражданских свобод и пр.).

Как центр государственной власти, Омск стал средоточием целого ряда высших государственных учреждений. Они занимали в городе лучшие здания и помещения, их всегда можно было узнать по развевавшимся над ними полотнищам российских флагов. Самыми многочисленными государственными учреждениями в Омске были министерства – в «белой» столице их насчитывалось 13! Было в Омске и Морское министерство, занимавшее часть здания Общественного собрания на углу Новой и Атаманской улиц. Оно стало своеобразным штабом для формирования командного состава будущего флота.

Появление в городе многочисленных штабов, министерств с их ведомствами, департаментов, главных управлений с бесчисленным количеством канцелярий (в одном только Министерстве земледелия было 17 канцелярий! Здесь был даже отдельный департамент охоты и рыбной ловли) породило целую армию чиновников и чинов для поручений, тыловых офицеров, адъютантов, личных

ординарцев, секретарш и т. п. И вся эта малодетельная работа была при высоких окладах, пайках, готовой одежде и обуви. Каждый, кто хотел уклониться от военной службы, делал это беспрепятственно. По мнению генерала К. В. Сахарова, «бюрократический аппарат Колчака для бедной и неустроенной восточной России начал создаваться как аппарат всероссийского масштаба с многоэтажной постройкой министерств, департаментов и управлений – все то, что рухнуло в 1917 г.». Даже время службы было взято по образцу мирного дореволюционного Петербурга – с 10 часов утра, в 12 часов был перерыв на завтрак, а в 16–17 часов работа заканчивалась.

Военные власти разрывались в поисках помещений для штабов, воинских частей и формировавшихся соединений, учреждений, жилья для командного состава. По решению уполномоченного Министерства внутренних дел с 15 марта 1919 г. в Омске даже временно прекратились занятия в первой и второй женских гимназиях, в частных гимназиях Бегичевой, Каеш, Лезевич, Хвориновой, Шанской и Эйнарвич, в политехническом институте и учительской семинарии, фельдшерско-ветеринарной школе, училище Совета Омской железной дороги – их здания были отданы для нужд Военного министерства.

«В ведении органов городского самоуправления находились начальные и высшие начальные школы. Первые месяцы занятия в них велись без осложнений, но к 1918/1919 учебному году сложилась угрожающая ситуация – все здания этих школ были реквизированы для нужд военного ведомства. Пришлось часть школ закрыть, а для остальных подыскивать временные помещения: арендовать частные дома, “проситься на квартиру” к профессиональным и средним учебным заведениям и пр.» (Из XVIII века – в век XXI... С. 266).

«По сведениям городской управы, в начальных училищах (школах) города в 1918/1919 учебном году обучалось всего 12 % детей школьного возраста» (Очерки истории города Омска. Т. 2. С. 74).

«Из высших учебных заведений в Омске продолжали действовать сельскохозяйственный и политехнический институты. Однако в октябре 1918 г. сельскохозяйственный институт потерял свое основное здание – реквизиции коснулись и вузов. На помощь пришли Западно-Сибирский отдел Русского географического общества, который выделил помещение для занятий по геологии и минералогии, и сельскохозяйственное училище – в нем разместились кафедры зоотехнии, земледелия и почвоведения, машиноиспытательная станция. <...> По инициативе министров финансов и земледелия было принято решение о слиянии двух вузов. Объединенное учебное заведение получило название “Сибирский институт сельского хозяйства и промышленности”. 25 июля 1919 г. Совет министров утвердил положение о новом вузе, в котором учреждались четыре

факультета: агрономический и лесной, ветеринарный, инженерный, экономический. <...> К ноябрю 1919 г. в институте обучалось 755 студентов. Преподавательский коллектив насчитывал 59 чел., в том числе 25 профессоров. 8 ноября 1919 г. в институт поступило предписание министра народного просвещения об эвакуации его на восток. Еще раньше, летом 1919 г., когда над “белым” Омском нависла угроза, покинул Омск кадетский корпус» (Из XVIII века – в век XXI... С. 266).

Кроме министерств, в столице работали и другие органы государственной власти, как, например, Государственный контроль – высший ревизионный орган, первое заседание которого состоялось 14 июля 1919 г. Реформы государственных учреждений, которые проводились Советом народных комиссаров, до Сибири, бывшей под властью Колчака, не доходили, и в городе продолжало действовать казначейство, хотя в соответствии с декретом Совнаркома от 1 ноября 1918 г. в республике казначейства были ликвидированы. Областной казначей Н. В. Попов указывал, что по кассовому журналу с 14 июня 1918 г., когда он вступил в должность, по 1 ноября этого же года оборот в Омском казначействе составил 1 173 тыс. руб.

Инфляция, однако, сводила рост поступающих сумм к минимуму. Покрытие дефицита шло традиционным путем – эмиссией денежных знаков. Временные правительства выпускали многочисленные местные денежные купюры. Омск, наряду с Екатеринбург и Иркутском, стал центром производства денежных знаков. Позже, летом 1919 г., начался вывод из обращения «керенок», но в обращении оставались еще около 125 видов дензнаков. К этому времени по заказу Министерства финансов в США начали печатать новые купюры «Возрождение России», разработанные известным скульптором И. Д. Шадром, жившим в это время в Омске. Через Владивосток деньги доставили в Омск, но ввести их в оборот помешал приход Красной армии.

Набитый до отказа офицерами, чиновниками, иностранцами, «белый» Омск развлекался. В городе появились новые рестораны, кафе-шантаны, дома терпимости. «Множились бесчисленные кабачки и магазинчики», – вспоминал поэт Леонид Мартынов о «фантазмагорических» изменениях облика Омска. С утра до ночи звучали «заунывно-лихие» песни солдат, маршировавших по пыльным, в основном немощеным улицам. Работали кинематографы, цирк, Коммерческий клуб. Городской театр всегда был полон. Его частыми гостями был сам Верховный правитель, весь дипломатический корпус, высшие чины военной и гражданской власти, омский свет. Классика стала властительницей репертуара театра. На его сцене шли «Анна Каренина» по книге Л. Н. Толстого, «Царь Федор Иоаннович» А. Н. Толстого, «Дети солнца» М. Горького, «Дни нашей жизни» Л. Н. Андреева и другие спектакли. Омский театр получил исключительное право на постановку «Идиота» по роману

Ф. М. Достоевского. Весь 1919 г. здесь играл А. И. Давыдов – известный артист московского театра Ф. А. Корша.

«Некоторые из беженцев, объединившиеся в “Общество петербуржцев”, в поисках средств к существованию пытались устраивать в Омске “грандиозные балы по примеру столицы”. Сохранившиеся в центральных архивах материалы содержат подробные программы двух таких балов, проведенных 4 декабря 1918 г. и 28 февраля 1919 г. Программа первого из них включала постановку живой картины “Возрожденная Россия”. В ней помимо артистов петроградских и московских театров приняли участие воины союзнических армий. Второй бал был костюмированным и проходил в помещении Омского военного гарнизонного собрания по всем правилам “столичного” бала мирного времени, включая установление призов “за изящный костюм” и “за красивую ножку”. 28 января 1919 г. в Гарнизонном собрании был устроен “Вечер о России” в пользу русских военнопленных, возвращавшихся на родину. Сбор от этого вечера составил... 5 408 руб.» (Из XVIII века – в век XXI... С. 263).

Омское филармоническое общество многое сделало, чтобы омичи могли наслаждаться прекрасной музыкой. В исполнении известного квартета этого общества (главный солист Б. М. Медведев) звучали произведения И. С. Баха, М. Равеля, К. Дебюсси, А. Н. Скрябина. На гастроли в Омск было приглашено немало известных артистов, певцов, музыкантов. Здесь выступали Г. М. Комиссаржевский и Н. В. Коржавин, познакомивший омичей с операми «Пиковая дама» П. И. Чайковского и «Галька» Станислава Монюшко. В исполнении баронессы А. И. Таубе, певицы Петроградской оперы, звучали произведения итальянских композиторов. Приезжали пианист Леонид Грабовский и польская певица Регина Юшкевич, давал концерты классической музыки виолончелист, профессор Киевской консерватории С. М. Козолупов.

Тепло принимали омичи симфонический оркестр Чехословацкого просветительского отдела, которым дирижировал Рудольф Карел – бывший преподаватель консерватории, ученик известного чешского композитора А. Дворжака. В городе было несколько прекрасных военных оркестров. Их музыка и барабанная дробь часто звучали на Соборной площади, привлекая толпы народа, – там во всем великолепии проходили парады.

«Белая» столица в 1918–1919 гг. притянула к себе многих известных писателей. Здесь жили и творили А. И. Митропольский (литературный псевдоним – Несмелов), Г. А. Вяткин, Г. В. Маслов и Ю. И. Сопов и многие другие. И, конечно же, знаменитый Антон Сорокин с его литературными пятницами в двухэтажном особняке на Лермонтовской, с его провокационными манифестами и эксцентричными выходками. Деятели культуры из беженцев, семья Кирьяновых и профессор Казанского университета, искус-

ствовед Б. П. Деннике, организовали «под крылом» Омского отдела Союза возрождения России литературно-художественный кружок. Кружковцы собирались в здании на Гасфортовской улице (сейчас ул. К. Либкнехта, 4), построенном в 1915 г. товариществом Российско-Американской мануфактуры «Треугольник», а в 1918 г. занятом кооперативным объединением «Центросибирь». Руководил кружком поэт и беллетрист С. А. Ауслендер. В заседаниях принимали участие поэт Ю. И. Сопов (позднее погибший при взрыве бомбы у резиденции А. В. Колчака), поэт, пушкинист Г. В. Маслов, скульптор И. Д. Шадр, омский писатель Г. А. Вяткин и др. О докладах, звучавших на заседаниях кружка, и вечерах, проводившихся им, часто писала местная пресса.

По пути в Нью-Йорк «застрял» на некоторое время в Омске Давид Бурлюк. В честь маститого поэта и художника 28 февраля 1919 г. в первой женской гимназии была открыта выставка, где было представлено 100 картин, большая часть которых принадлежала Д. Бурлюку. А 2 марта состоялся литературный вечер, где мэтр прочел

Обложка пятого номера журнала «Единая Россия».

Издавался в Омске в 1919 г. военно-экономическим обществом офицеров действующей армии. В нем публиковали стихи члены литературно-художественного кружка Г. А. Вяткин и Ю. И. Сопов

так называемую поэзолекцию «Футуризм – единственное искусство современности». Здесь же была организована выставка московских и петроградских художников-футуристов; 20 % от сбора этого вечера решено было перечислить на создание в Омске художественной школы им. М. А. Врубеля.

Кстати, художественные выставки и вернисажи стали неотъемлемой частью жизни Омска в 1918–1919 гг. Многие из них были организованы «Обществом художников и любителей изящных искусств Степного края». Наиболее впечатляющей стала выставка, которая проводилась в мае 1919 г. в залах политехнического института. На ней было представлено более 400 полотен, а участниками выставки стали художники И. В. Волков, И. Волянский, А. Н. Клементьев, Н. А. Мамонтов, В. И. Уфимцев, бывшие ученики художественной школы Общества и многие другие.

В «белом» Омске не замерла и научная жизнь. Члены Западно-Сибирского отдела Русского географического общества выступали с большим количеством докладов. Особенно активно в составе Омского отдела работали комиссия «Архива войны», собравшая материал по Первой мировой и гражданской войнам, а также памятно-архивная комиссия. В январе 1919 г. 18 омских ученых ездили в Томск на съезд по созданию Института исследований Сибири. В своем послании А. В. Колчак, как известный полярный исследователь, приветствовал создание института и обещал ему всяческое содействие.

23 (25) апреля 1919 г. при Российском правительстве Колчака создается (по некоторым источникам – воссоздается) Комитет Северного морского пути. Летом этого года им была проведена Обская экспедиция под командованием известного гидрографа полковника Д. Ф. Котельникова. Кроме проведения научных изысканий, экспедицией было построено шесть навигационных знаков с горящими фонарями, 15 морских вех на рифах и 24 – на берегах Оби. Под командованием капитана первого ранга известного картографа и геодезиста Б. А. Вилькицкого этим же летом проходила знаменитая Карская ледокольная экспедиция. Военная цель экспедиции – доставка винтовок для Сибирской армии Колчака, торговая – в переправке сибирского хлеба, валенок, полушубков, а также уральской меди в Северную армию генерала Миллера. Экспедиция имела и гидрологическую цель – создать мощную цепь радиостанций и баз от рек Западной Сибири до Белого моря.

В городе издавалось множество периодических изданий различной направленности. «Наиболее левые позиции занимала газета “Рабочий путь”, а затем “Рабочая жизнь” – орган Омского совета профсоюзов. Мелкобуржуазные издания были представлены эсеровской газетой “Дело Сибири”, меньшевистско-эсеровскими газетами “Заря” и “Наша Заря”, кооперативными и профсоюзными газетами и журналами “Трудовая Сибирь”, “Сель-

скохозяйственная жизнь”, “Возрождение”, “Омский голос”. Буржуазную прессу составляли газеты “Сибирская речь”, “Омский вестник”, “Акмолинские областные ведомости”, журналы “Иртыш”, “Промышленность Сибири” и др. На всероссийский масштаб претендовали такие издания, как “Правительственный вестник”, “Русская армия”, “Вестник путей сообщения”. В 1919 г. к ним прибавились “Русский воин”, “Утренняя заря” и ряд других изданий. Церковь стала выпускать “Известия Омской епархии” и “Сибирский благовестник»» (Очерки истории города Омска. Т. 2. С. 75).

В чем же состоят причины падения «белого» Омска, а вместе с ним и режима А. В. Колчака?

Во-первых, в отсутствии четкой идейно-политической доктрины правительства А. В. Колчака. Это было скорее не виной, а бедой данного режима. На втором месте причина социально-экономическая. Мероприятия власти, особенно в последние месяцы ее существования, не нашли широкой поддержки ни у крестьян, ни у рабочих. Интересовавший крестьян более всего земельный вопрос правительством А. В. Колчака так и не был решен. К тому же объявились старые собственники земли, они через суд возвращали принадлежавшие им до 1917 г. земельные участки. Рабочих же в политике нового режима не устраивала инфляция с сопутствовавшим ей постоянным ростом цен. Инфляция и дороговизна жизни были ужасающими. За один год цены подскочили до невыносимых размеров. Если в январе 1918 г. пуд муки в среднем стоил (16,38 кг) 2 руб. 40 коп., то в феврале 1919 г. – от 38 до 45 руб., а в мае – уже от 60 до 80 руб. Сахар в 1918 г. стоил 27 коп., а в мае 1919 г. – 5 руб. за фунт (409,5 г), причем выдавался по продовольственным карточкам, и около всех магазинов и лавок выстраивались огромные очереди.

Заработная плата не поспевала за ростом цен, диапазон ее был велик. По сведениям Министерства труда, средняя заработная плата рабочих заводов и фабрик в марте 1919 г. была от 230 руб. (суконная фабрика Богаткиной) до 648 руб. (суконная фабрика товарищества «Фоменко и Хряков»). Труд типографских рабочих оплачивался в зависимости от категории в пределах 659–810 руб. Многие квалифицированные рабочие часто предъявляли своим хозяевам требования о переводе на сверхурочную работу из-за низкой заработной платы. В Омске насчитывалось 574 работодателя. Тем не менее безработица была высока. По данным газеты «Заря», только в мае 1919 г. было зарегистрировано 500 безработных из числа интеллигенции, 807 квалифицированных рабочих и 1 800 чернорабочих.

В связи с прогрессирующей дороговизной Министерство труда ежемесячно определяло прожиточный минимум, о чем сообщалось во всех газетах. Так, по данным газеты «Русская армия», в декабре 1918 г. он составлял 336 руб. на одного взрослого работающего, в январе

1919 г. – 400 руб., в апреле – 474 руб., в июне – 520 руб., в августе и сентябре – 678 руб., а в октябре – 857 руб. 42 коп.

Третьей причиной неудач белого движения являются военно-политические и стратегические просчеты колчаковского правительства. Многие историки до сих пор однозначно не могут ответить на вопрос о причинах поражения белых армий. Весьма убедительной кажется точка зрения отечественного историка А. В. Ганина, призывающего взглянуть на соотношение сил и средств сторон в период решающих операций гражданской войны, которые повлекли за собой их кардинальное и все возрастающее неравенство, не позволившее белым рассчитывать на успех. Помимо этого, наиболее серьезными причинами неудач белых были крупные просчеты в военном планировании и недооценка противника.

К началу наступления белые обладали лишь двойным превосходством в силах, причем учитывая нестроевых, а не только боевой состав. К 1 апреля, когда белые еще надеялись на успех, в Красной армии уже числилось полтора миллиона бойцов, и их численность постоянно возрастала. Численность войск всех противников красных не шла ни в какое сравнение с этой цифрой.

Когда большевистское руководство обратило внимание на угрозу с востока, на фронт было направлено подкрепление, сравнившее соотношение сил уже к началу мая. Белым же усилить измотанные части было нечем, и их наступление быстро выдохлось. Состав колчаковских войск оставлял желать много лучшего. Катастрофичной была ситуация не только с высшим командным составом, на среднем и младшем уровнях остро не хватало офицеров, особенно кадровых. К тому же многие офицеры и генералы не имели опыта в составлении и разработке военных операций в условиях гражданской войны. Тыл же, наоборот, был полон офицерами. Не способствовало исправлению ситуации и суровое отношение к бывшим офицерам, ранее служившим у красных и попавшим в белый плен либо добровольно перешедшим на сторону последних.

Полная дезорганизация собственного военного управления и впечатлявшие успехи противника приводили к утрате в рядах белых веры в победу. Голод, усталость от непрерывных маршей и боев, отсутствие нормальной одежды создавали благодатную почву для большевистской агитации, а чаще помимо нее приводили к волнениям в войсках, убийствам офицеров, переходам на сторону противника. Мобилизованные крестьяне воевали неохотно, быстро разбегались или переходили к противнику, унося с собой оружие и открывая огонь по своим недавним товарищам. Были случаи массовой сдачи в плен. Венцом чудовищного состояния колчаковской военной машины был тыл, который белыми контролировался очень слабо. Подготовленные резервы отсутствовали, армия не имела оборудованной тыловой базы и военной

промышленности, снабжение было нерегулярным. Следствием стала постоянная нехватка в войсках оружия и боеприпасов, средств связи и техники.

Контроль красных над центральными районами России позволило им не только воспользоваться запасами старой армии и ресурсами промышленного центра, но и действовать по внутренним операционным линиям, громя противника поочередно. Белые же, наоборот, действовали разрозненно, попытки координации их действий оказывались запоздалыми. Из-за обширности театра войны они не смогли воспользоваться имевшимися у них преимуществами, например наличием подготовленной казачьей конницы. Сказались и ошибки некоторых колчаковских генералов, сделавших в период гражданской войны головокружительную карьеру, но не успевших приобрести необходимый опыт.

Белые не смогли что-либо противопоставить и мощнейшей большевистской агитации в своих войсках. Рядовая масса обладала достаточно низким уровнем политической сознательности, была утомлена многолетней войной. Несмотря на жестокий красный террор, гонения на церковь, озлоблявшую крестьян земельную политику, белые так и не смогли стать той силой, которая принесла бы порядок и стала привлекательной для широких масс. С окончанием Первой мировой войны большевики утратили облик предателей, который за ними закрепился после Брестского мира. Белые же, наоборот, оказались теперь в роли пособников интервентов.

С лета 1919 г. военное счастье изменило белым. После сдачи Челябинска наступили тяжелые времена. Фронт быстро приближался к «белой» столице. Изменилось и настроение жителей Омска. Патриотический подъем сменился растерянностью и пессимизмом. Правда, некоторый проблеск в настроении общества наблюдался осенью, когда 27 сентября после кровопролитных боев колчаковская армия вновь взяла Тобольск. Но ненадолго. Вскоре по всему фронту началось отступление измотанной и обескровленной непрерывными боями белой армии.

Уже 29 октября Совет министров вынес постановление об эвакуации из Омска. Через город потянулись вереницы обозов с домашним скарбом, экипажи с женщинами и детьми, подводы с ранеными. Все в ожидании поездов толпились возле железнодорожного вокзала. Вагонов катастрофически не хватало, поэтому правительство было вынуждено издать постановление об ограничении количества багажа на каждого эвакуируемого.

В начале ноября в Омск стали прибывать отступавшие части армии А. В. Колчака. Сам Верховный правитель России был горячим сторонником защиты Омска. Он не без основания полагал, что сдача столицы пагубно отразится на моральном состоянии армии и приведет к всеобщему обвалу в тылу. Только на заседании Совета министров,

состоявшемся 8 ноября, Колчак кардинально поменял свою точку зрения и дал согласие на эвакуацию. Скорее всего, определенную роль в принятии данного решения сыграли погодные условия. Несмотря на наступившие холода, Иртыш не встал. По воде шел мелкий лед – шуга. Отступавшие части белых оказались зажатыми между противником и рекой и сконцентрировались на левом берегу Иртыша. Для того чтобы построить мосты либо навести переправы и переправить войска на другой берег, где бы оборона была более удобной, времени не оставалось. Незамерзшая естественная речная преграда была только видимым рубежом обороны. В случае появления крепкого льда части красных могли бы обойти оборонявших по льду в любом месте и взять в кольцо. Казалось бы, участь отступавших и не переправившихся на другой берег уже предрешена. Но 10 ноября Иртыш встал.

В тот же день Совет министров во главе с премьер-министром П. В. Вологодским покинул Омск. В городе остался А. В. Колчак с небольшой личной охраной и несколькими близкими и надежными сподвижниками. Только в ночь на 13 ноября, всего лишь за один день до вступления красных полков в Омск, от железнодорожного вокзала отошло пять литерных поездов с офицерами, чиновниками

особых поручений и охраной численностью 60 офицеров и 500 солдат. В одном из поездов находилось несколько вагонов с русским золотым запасом и вагоны для адмирала А. В. Колчака и сопровождавших его лиц.

«Перед бегством колчаковцев в редкую ночь в Омске не было расстрелов. Много людей расстреляли белогвардейцы 12 ноября 1919 г. «В эти страшные часы на ул. Тобольской (теперь Орджоникидзе) у тюрьмы, – вспоминает очевидец Куликов, – толпились молчаливые люди – женщины, старики, дети. У коновязей стояли продрогшие казачьи кони. <...> Вот из калитки тюрьмы один за одним высыпали казаки и быстро разобрали коней. Обнажив шашки, они стали полукругом к воротам. Ворота распахнулись. Нервно, почти бегом вышла большая группа заключенных, окруженная густой цепью пеших казаков. Построены они были по 6 чел. в ряд. У всех руки связаны за спиной веревками. Сзади на санях, запряженных парой лошадей, сидели четыре казака с двумя пулеметами. Заключенных повели в рощу к оврагу, где сейчас висится памятник с пятиконечной красной звездой. На этом месте казаки выстроили сначала половину узников. Их расстреляли из пулеметов. Затем на это место поставили вторую половину. Через 10–20 минут и этих людей постигла

К. П. Белов. Интернациональный отряд (Карой Лигети. 1918 г.). 1968. Бумага, гуашь, 60 x 80.
Из собрания Омского музея Кондратия Белова

Ледовая переправа через Иртыш. Красноармейцы перекачивают вагон в сторону Омска. Ноябрь 1919 г. Из фондов ГУИСА.

До восстановления движения через мост в 1920 г. по проложенным по льду рельсам в оба конца было переправлено 237 паровозов и 30 006 вагонов

участь товарищей. Когда пулеметам делать было уже нечего, казаки с обнаженными шашками зверски рубили трупы расстрелянных» (Палашенков А. Д. Памятники и памятные места Омска и Омской области... С. 135).

В Омской операции, которая длилась месяц, красные задействовали 10 дивизий 5-й и 3-й армий Восточного фронта. Общее руководство осуществлял командующий 5-й армией М. Н. Тухачевский. Основная тяжесть по разгрому противника в пределах современной Омской области и взятие самого Омска легли на три бригады 27-й стрелковой дивизии (командовал Ф. И. Блажевич), входившей в состав 5-й армии. Утром 14 ноября первая бригада перешла по льду Иртыш в районе Николаевки и к полудню обошла город с севера; 238-й Брянский полк второй бригады переправился через Иртыш и вступил в центр города. А 248-й Волжский полк третьей бригады под командованием С. С. Вострецова форсировал Иртыш и захватил железнодорожный вокзал (улица, по которой проходили в центр Омска части Красной армии, и сегодня носит название Красный Путь. Наименование 5-й армии также было увековечено в названии одной из городских улиц).

Пехоте и кавалерии красных преодолеть Иртыш по льду не составило труда. Гораздо хуже обстояло дело с транспортировкой бронепоездов, артиллерии, боеприпасов. Железнодорожный мост через Иртыш при отступлении белых был ими взорван, взрывом была сброшена ферма весом около 1 060 т. Комиссар бронепоезда И. С. Конев (впо-

следствии маршал Советского Союза) предложил соорудить ледовую переправу методом намораживания, и на следующий день после освобождения Омска ее стали налаживать. Русло реки в месте переправы заполнялось различным подручным материалом и тут же заливалось водой. А далее мороз делал свое дело. По льду укладывали шпалы, рельсы. Уже через сутки вагоны двигались через реку. Надежде белых на перегруппировку сил в районе Новониколаевска (Новосибирска) не суждено было сбыться.

Омск был взят красными практически без боя; при освобождении города в качестве трофеев были захвачены 16 тыс. пленных (из них тысяча офицеров и три генерала), три бронепоезда, 41 артиллерийское орудие, свыше 100 пулеметов, полмиллиона снарядов, 5 млн патронов, свыше 200 паровозов и 3 тыс. вагонов, а также эшелоны и склады с интендантским, артиллерийским, инженерным и санитарным имуществом. За освобождение Омска 27-я стрелковая дивизия не только получила наименование «Омская», но и удостоилась двух боевых знамен – от Всероссийского Центрального исполнительного комитета и Сибревкома.

При отступлении колчаковцы нанесли огромный урон железнодорожному транспорту, были взорваны и заморожены в лед суда, вывезена часть почтового имущества, не работало ни одно из отделений связи... Но на башенке генерал-губернаторского дворца вновь вился красный флаг, символизируя начало новой эпохи в истории Омска.